

По-видимому, существующие тенденции динамики численности сельского населения области будут определяться влиянием социально-экономических и политических последствий реформ.

Побережников И.В. (Екатеринбург)

СЛУХИ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ XVIII—XIX вв.: СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

Существенную роль в общественной жизни уральской деревни XVIII—XIX вв. играли слухи — передача неформальной доверительной информации, не подтвержденной официальным источником, либо уже опровергнутой им. Анализ функций слухов позволяет определить их роль в социальной истории, значение для отдельных социальных групп, ситуаций, воздействие слухов на поведение людей.

В литературе уже отмечалась значимость информационно-коммуникативной функции слухов в крестьянских сообществах XVIII—XIX вв., когда устная передача знаний и мнений являлась едва ли не ведущим видом связи¹. Слухи обеспечивали крестьян информацией о современных или недавно происшедших событиях. При этом распространителями слухов обычно становились наиболее мобильные элементы населения, получавшие доступ к источникам информации: челобитчики и просители из среды крестьян, горнозаводских рабочих, горожан, сельский притч, мелкие чиновники, отставные солдаты, странники, богомольцы, отходники. Иррадиировали слухи социально значимые и при этом двусмысленные ситуации, подложные манифесты и официальные указы в процессе их обсуждения и толкования. При этом значение печатных источников формирования слухов (газеты, книги, письма и т.д., наряду с указами) постепенно, но неуклонно возрастало, особенно во второй половине XIX в.

Широкое отражение в слухах находили события внутренней и внешней политики, придворной борьбы, смены монархов. Отголоски известий о “великом посольстве” за рубеж 1697—1698 гг., в котором инкогнито принимал участие Петр I, причудливо отразились в народной легенде о подменном царе. Мероприятия Петра по европеизации России, конфликт его с сыном Алексеем и казнь последнего, брак императора с иностранкой низкого происхождения породили слухи о царе “антихристе”, которые распространялись в первой четверти XVIII в. среди уральских старообрядцев².

После поражения восстания 1773—1775 гг. среди уральских крестьян имели хождение слухи о том, что “Петр III” не погиб (казнен был некто Пугачев), а собирает новые силы возле Черного или Каспийского моря, дабы взять реванш за военное поражение от правительственных генералов³.

Предреформенные 1850-е годы породили массовые слухи о скором освобождении, в том числе и на Урале. Слухи довольно точно определяли время издания законоположения об отмене крепостного права. В конце февраля 1861 г. майор корпуса жандармов Комаров доносил из Пермской губернии, что дата освобождения крестьян — 19 февраля — совершенно определенно фигурировала в толках, распространившихся в начале месяца⁴.

События местного масштаба, особенно казусного характера, также могли стать предметом обсуждения и пересказов. Так, реальное происшествие времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда жители с. Молотникова Котельнического уезда (Вятская губерния) приняли артель рабочих за турок и вышли с ними сражаться, стало основой для формирования слуха, превратившегося со временем в анекдот, благодаря которому сами жители Котельнического уезда (котеляне) получили и прозвище-присловье “турки”. В действительной истории, происшедшей в окрестностях с. Молотникова слух также сыграл немалую роль. Дело в том, что возвращавшиеся с завода рабочие попросили местных жителей пустить их переночевать, сказав при этом, что “мы ведь не турки”. Услышав страшное слово “турки”, старики и дети решили, что прохожие и есть те самые турки; побежали в поле сообщать взрослым, что в деревню пришли турки. Известие произвело всеобщую панику, беспорядочное бегство и вооружение населения подручным инвентарем⁵.

Степень достоверности слухов существенно варьировалась: если одни возникали в связи с реальными событиями и в той или иной мере отражали их, то другие могли носить совершенно фантастический характер. Примечательно, что почти всегда слух включал момент интерпретации, объяснения явления, мнения трансляторов — таким образом он обеспечивал адаптацию полученной информации к привычным ментальным структурам, стереотипам восприятия. В связи с этим можно выделить еще одну функцию слухов, тесно связанную с предшествующей, — адаптивно-интерпретационную.

В 1760-е гг. среди приписных и монастырских крестьян Урала было распространено убеждение о ликвидации, соответственно, заводских отработок и зависимости от монастырей, основанное на свособразной интерпретации сенатского указа 12 октября 1760 г. об увеличении оброчного сбора на 60 коп. (“а мы де имеем указ,... по которому велено забирать подушных денег во всем государстве только по одному рублю а сверх того никаких накладок не накладывать”)⁶.

Волнения 1842—1843 гг. в государственной деревне Урала во многом явились следствием крестьянской интерпретации нововведений, связанных с реформой П.Д.Киселева. Так, крестьяне Троицкой волости Камышловского уезда в 1842 г. “кричали” по поводу новых

институтов и атрибутов власти, "что все это установил их господин, он издал правила о новом управлении, доставил новые печати, сделал волостным, сельским начальникам и писарям форменные кафтаны и назначил всем им жалованье за то, что они продали ему народ"⁷.

Типичная объясняющая схема, которая фигурирует в крестьянских слухах XVIII—XIX вв.: местные власти действуют вопреки воле царя, а последний ничего не знает о творящемся произволе.

К числу немалых функций, которые выполняли слухи, следует отнести стимуляцию конфликтов. Слухи нередко становились поводами к конфликтам; давая лозунги их участникам, они накладывали отпечаток на характер социальных действий. Роль политических слухов как стимуляторов протеста ярко проявилась в ходе восстания 1773—1775 гг., которое происходило под политическим лозунгом реставрации "истинного" царя—"избавителя" Петра III. Пугачевщина вовлекла в свой оборот около 3 млн человек на территории примерно 600 тыс. кв. км.

Гораздо чаще в роли стимулятора протеста выступали слухи по поводу разнообразных перемен, нововведений (в хозяйственно-экономической, сословно-социальной, вероисповедной сферах). При этом слухи могли носить оптимистический (надежды) или пессимистический (страхи) характер. Первые обычно связывались с царским "милостивым" указом (основой при этом выступали подложные манифесты и указы, официальные документы, специфически интерпретированные; просто надежды и чаяния, не имеющие никакого документального подкрепления). Оптимистические слухи о ликвидации приписной системы, освобождении крестьян духовных вотчин, отмене крепостничества, снятии недоимок, предоставлении социально-экономических льгот постоянно вызывали конфликты на Урале в XVII—XIX вв. Пессимистические слухи, выражавшие перманентные страхи крестьян, — о приписке к заводам, о передаче казенных землепашцев в удел, о продаже помещику, — также нередко создавали поводы для крестьянских возмущений на Урале.

В ходе протеста слухи могли выполнять функцию дискредитации социальных противников. Действия данной функции ярко проявлялось в конфликтах 1842—1843 гг. в государственной деревне. Так, в Камышловском уезде (1842 г.) распространился слух, что "будто бы камышловскому окружному начальнику за соглашение крестьян во владение какому-то господину и за согласие написать писарями фальшивых от них подписок каким-то министром прислан один пуд асигнаций и из одного якобы отделена ему Кузнецову (писарь Курвинской волости — И.П.) семьсот рублей". 21 апреля 1842 г. вернувшийся из г. Камышлова крестьянин с Четкаринского Тамакульской волости М.И.Савин сообщил односельчанам "что в Закамышловской волости происходит между обывателями буйство", "Четкаринское

общество поступило уже в удел или за господина, за что взято камышовским протоиереем Оглобиным 5 тыс. руб. и писарями по пятьсот руб.". Крестьяне с. Логиновского Екатеринбургского уезда утверждали тогда же, что "волостные начальники и крестьяне Илья Долганов и Егор Волков продали крестьян в удел за господина, от коего и жалованья получают по 300 рублей"⁸.

- ¹ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 209; Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 58, 63.
- ² Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 51—58.
- ³ Побережников И.В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII — первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 33—39.
- ⁴ Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 116.
- ⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 39, 84.
- ⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1680. Л. 192—192 об.; ТФ ГАСО. Ф. 156. 1762 г. Д. 26. Л. 40 об.
- ⁷ ГАСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об.
- ⁸ Там же. Д. 1. Л. 73; Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. 41, 66; Д. 4. Л. 91 об.—92, 93.

Смирнов С.С., Смирнова В.Е. (Челябинск)

“ПОСЛЕДНИЙ КЛАПАН” ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ?

В отечественной историографии господствует взгляд на переселенческое дело при правительстве П.А.Столыпина как на важнейшую составную часть его аграрной политики, направленной на разрушение крестьянской общины и создание за счет этого слоя “крепких” кулацких хозяйств. При этом имеется ввиду, что выдворение на окраины империи наиболее опасной для режима беднейшей части сельского населения являлось одновременно и чисткой земли для новоявленных фермеров. В рамках этой концепции и возникло несколько мифов о переселенческом деле, на которые хотелось бы обратить внимание, не пытаясь при этом давать какую-либо оценку самой аграрной реформы.

Во-первых, переселенческий вопрос возник задолго до прихода к власти правительства Столыпина и не исчез после его ухода. Крестьянская колонизация окраин имела давние традиции и носила объективный характер. Резкое увеличение потока переселенцев за Урал началось с середины 1890-х гг. в связи с активным железнодорожным строительством. Тогда же новый кабинет С.Ю.Витте взял курс на всемерную поддержку переселенческого движения и не изменял этому курсу в течение всего десятилетия нахождения у власти. Столыпин лишь продолжил и развил дело, начатое его предшественником.